ДМИТРИЙ БЕЛЯЕВ

dm.a.belyaev@gmail.com

ДИСКУРС КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

В статье рассматривается культура повседневности как часть актуальной теории культуры. Отдельно акцентируется внимание на оригинальной концепции культуры повседневности Мишеля де Серто. Выявляется корреляция культуры повседневности с языковыми и политическими практиками. Подчеркивается интегральное культурологическое значение исследования культуры повседневности.

Ключевые слова: культура повседневности, Серто, Лефевр, практики повседневности, язык, политика, стратегии повседневности.

THE DISCOURSE OF THE CULTURE EVERYDAY IN MODERN CULTURAL SCIENCE

The article considers the culture of everyday life as part of the actual theory of culture. Separately focuses on the original concept of the culture of everyday life of Michel de Certeau. The correlation of everyday culture with linguistic and political practices is revealed. The integral cultural significance of the study of everyday culture is emphasized.

Keywords: culture of everyday life, Certeau, Lefebvre, everyday practices, language, politics, everyday strategies.

Дискурс культуры повседневности – это одно из самых влиятельных направлений в теории культуры во Франции и отчасти в США. В отличие от большинства концепций культуры, исследование культуры повседневности – это не левая, а скорее правая в политическом отношении теория (Луков, 2008: 199). Основоположником в исследовании повседневности был Анри Лефевр, издавший в 1948 г. свой объемный программный труд по этому вопросу – «Критика повседневной жизни». Наиболее цитируемым и популярным сегодня автором из исследователей повседневности является Мишель де Серто – французский ученый, исследователь культуры, языка, и даже своеобразный богослов. Де Серто был уникальной личностью, он был аристократом, монахом Ордена иезуитов и во многом в своих трудах опирался на наследие этого Ордена.

Исследование повседневности возникло во многом как реакция

на тоталитарные проекты подчинения повседневной жизни политическому замыслу, в которых государство как политический субъект присваивает себе ресурсы власти и затем, исходя из собственных возможностей, интересов и запросов, выстраивает систему законодательства. Представители культуры повседневности попытались оспорить этот главный политический догмат о суверенной власти, показав, что многие правила в культуре не кодифицируются, что само социальное пространство создается огромным количеством неписаных правил, которые невозможно свести к одним и тем же принципам. Представители этого направления настаивают на том, что культуру не следует понимать как насильственное изменение природы и подчинение ее определенным, заранее данным стратегиям. Скорее изучение культуры повседневности склоняется к игровым концепциям культуры, и представители культуры повседневности настаивают на том, что социальная жизнь заключает в себе ряд стратегических и тактических решений.

В практиках повседневной жизни мы устанавливаем правила игры, а когда мы принимаем какие-либо ответственные решения, социальные, политические или культурные, мы просто доводим игру до конца. Можно сказать, мы вступаем в область «большого спорта», в область, где такая игровая среда становится основой для какого-то более масштабного действия. И отличие высокой культуры от повседневной представители культуры повседневности видят не в идейном различии, а как в различии между любительским и профессиональным спортом. Идеи одни, но различна воля: в профессиональном спорте есть воля довести все до конца, до победного результата, а в поле повседневности все время разыгрываются разные игры, но сущность их одна и та же.

С точки зрения представителей культуры повседневности примерно одинаковым значением обладают и создание каких-то больших творческих или политических решений (осуществление государственного проекта или создание шедевра искусства) и повседневное творчество (бытовое, скажем, в области кулинарии или организации городской жизни). И там и там речь идет о выполнении некоторого количества некодифицированных правил и определенном выигрыше. И там и там важнее всего импровизация, неожиданные спонтанные решения, которые внезапно изумляют всех.

Еще одна важная предпосылка культуры повседневности — это где именно выносится суждение о политике, о культуре и о социальной жизни. В этом смысле изучение культуры повседневности — это действительно реакция на опыт тоталитаризма, прежде всего нацистского, в котором существовало понятие государственной необходимости, и никакого суждения извне вынести нельзя. Говорилось, что те, кто выполнял преступные приказы тоталитарных

государств, якобы действовали по необходимости. Эту идею государственной необходимости пытались оспорить многие мыслители. Они указывали на то, что изнутри ситуации вынести суждение невозможно. Всякий раз человек пытается переиграть сам себя, перехитрить собственное зло, но в конце концов становится агентом зла. Тогда как настоящее суждение, в том числе осуждающее зло, возможно только извне, как внешний взгляд. Ханна Арент даже приводила простой пример, что художник никогда не может судить о своей картине, потому что он очень хорошо помнит, как он ее делал. Он всегда смешивает суждение о результате с суждением о процессе. Тогда как настоящая критика возможна только с принципиально овнешненной позицией, в которой действительные правила не смешиваются с текущими решениями, с текущей политикой усилий.

Представители направления культуры повседневности (и Анри Лефер, и в еще большей степени Мишель де Серто) рассуждают аналогично. Важна не область внутренних переживаний, не какие-то возвышенные идеи, которые художник себе приписывает, а те правила, которые реализуются в любом творчестве, будь то бытовой дизайн, кулинария или создание каких-то величественных и непреходящих ценностей искусства (Лефевр, 2015: 75-78). Разумеется, такие установки означают, что основное внимание будет уделяться не исключительным явлениям, а организации быта, например, городского.

Значительная часть работ Мишеля де Серто посвящена организации городских пространств. До сих пор любой урбанист ссылается не только на классиков урбанистики, но и на де Серто, который себя урбанистом не считал. Он рассматривал город, в отличие от урбанистов, не как место производства социальных стандартов, а исключительно как место памяти, такое своеобразное большое кладбище, которое позволяет вспомнить себя и выучить самые элементарные правила социального взаимодействия (Серто, 2010: 108-109). Для него город не столько вовлекает какую-то политику, сколько учит каким-то минимальным социально-этическим нормам, таким, как память, уважение, почтение. Поэтика современного города – это не поэтика технического прогресса, а поэтика, создающая какие-то минимальные различения, например, различение между настоящим и прошлым. И из этого опыта минимальных различений, предписываемых не философией, а самим бытом, и рождается этика современного человека.

Другая важная концепт-идея считывания практик и смыслов повседневности де Серто – «чтение как браконьерство» (Серто, 2013: 81-82). И одна из его ключевых статей, не переведенная на русский – это «Теория чтения как браконьерства». Согласно де Серто, чтение представляет собой некоторую деэкзотизацию читаемого материала. Можно относиться к природе двумя способами: либо видеть в ней

зоопарк, как это делает большинство людей, либо выступать как браконьер и охотиться на редких животных. Именно зоопарк видит в литературе большинство обывателей, которые читают в поисках каких-то любопытных фактов, необычных переживаний, захватывающих чувств. Большинство потребителей литературы, особенно беллетристической, – это именно те, кто любит смотреть на экзотических животных в зоопарке (Серто, 2013: 103-109). Их опыт чтения мало чем отличается от опыта зевак, которые смотрят на тигра в клетке. Тогда как чтение квалифицированное – это своеобразное браконьерство, в котором сам читатель чувствует себя в экзотической ситуации и переживает встречу с новыми произведениями как встречу с дикими зверями, от которых он может быть также зависим. То есть, настоящее чтение – это чтение, в котором нет заведомо прописанных социальных правил. Это определенная импровизация, определенное создание правил прямо на месте. Настоящая встреча с искусством – это та встреча, при которой все старые правила, представления о том, как нужно потреблять искусство, остаются позади. При внезапной встрече браконьера с диким зверем вдруг заново рождается вся система правил, человек понимает, что искусство хочет сказать ему, и как он может обратиться к искусству.

Особенность мысли де Серто – это его очень глубокая укорененность в европейских философских и богословских традициях. Пожалуй, это действительно единственный исследователь культуры, который был не просто религиозным, но еще и клириком, монахом и действующим ученым-иезуитом. Эта укорененность иногда бывает совершенно необычной. В частности, слово повседневность он возводил к одному из канонических христианских требований в молитве «Отче наш» о хлебе насущном. Само слово «насущный» означает «повседневный», «тот, который дается каждый день». «Хлебом насущным» называли солдатский паек, который достаточен для поддержания жизни и больше которого требовать негоже. Подразумевалось, что из повседневности мы черпаем основные силы для нашего существования, получаем определенную подзарядку для того, чтобы жить.

С другой стороны, повседневность требует от нас определенной дисциплины. Именно повседневность приводит нас от «любительского спорта» к «большому спорту», требуя все время выигрывать и переходить от бытового творчества к более серьезному, философскому или художественному. А если ты не научился бытовому творчеству, скажем, этическому отношению к другим людям или умению искусно обойтись со своим бытом, то вряд ли что-то получится и в большом творчестве.

Серто явно спорит с эпигонско-романтическим подходом, резко противопоставляющим творчество и быт. В таком романтическом

подходе быт представляет собой область уже готовых вкусовых суждений, тогда как художник созидает новую норму вкуса. Де Серто стремился показать, что быт заключает в себе и множество возможностей импровизации, и множество возможностей заново ощутить вкус к жизни, и вовсе не есть скучная и рутинная область готовых решений и готовых суждений. Напротив, в современном искусстве, которое становится все более экспериментаторским, устремленным к новизне, и появляется рутина вкуса, которую удается преодолевать только за счет какой-то ломки формы, созидания все более эксцентричных и неестественных форм. Тогда как быт и повседневность остаются местом настоящей жанровой, стилистической и формальной игры. Именно в повседневности и возможно всякий раз намечать новые сценарии познания, несводимые к формализованным, подчиненным какому-то единому стилю сценариям.

Французский мыслитель выступает как критик высокой культуры за ее моностилистику, за ее отрыв большого стиля от малых стилей быта, и выступает с программой разнообразия стилей, за которым стоит разнообразие видов человеческого поведения. В отличие от природного мира, в котором есть только сценарии, заранее отобранные, выжившие в ходе эволюции, в области быта, например, в области городской жизни, есть большая возможность задействовать новые сценарии, которые никак не предписываются эволюцией. И здесь проявляется важное отличие де Серто как теоретика от большинства авторов, обращающихся к описаниям практик повседневности. Как правило, когда мы встречаем на полках книжных магазинов книги вроде «Повседневная жизнь Древнего Рима», то обычно рассматривается какой-то материал экзотический, говорится о том, чем люди прошлого не похожи на нас. Что люди, имевшие те же самые привычки, вынуждены были пользоваться другими вещами быта. Читатель читает и думает: «Надо же как, у людей Древнего Рима не было автомобилей». То есть в такой популярной литературе о повседневности происходит экзотизация вещей, но при этом кажется, как будто сценарии поведения людей были одни и те же. Если французских придворных переселить в наши дни, они воспримут наши правила. А де Серто настаивал как раз на прямо противоположном. Быт как таковой меняется не так быстро, одни и те же повседневные практики существовали что 2000 лет назад, что сейчас (такие, как сон, еда или торговля), но при этом меняются сами сценарии, само умение импровизировать вокруг этих повседневных практик и создавать новые сценарии, стили жизни.

Если говорить о де Серто как о своеобразном богослове, то он явно исходит из той модели, в которой человек делится не на 2 части – духовную и телесную – а на модель, возникшую довольно поздно, в эпоху Контрреформации, в которой различаются дух и душа. Дух – это

начало норм, начало, которое задает правила религиозной жизни, а душа – это начало сценариев, она разыгрывает большую драму самоопределения человека. Душа является одновременно сценой и актером на этой сцене. Поэтому для Серто культура повседневности – это культура в широком смысле душевной жизни. Опять же, душевная жизнь вовсе не сводится к одним эмоциям, а включает в себя самые разные стратегии поведения, в том числе самые рациональные. В этой антропологии душа включает в себя и разум, и рациональные стратегии существуют наравне с эмоциональными. Рациональное принятие решений не менее важно для повседневности, чем эмоциональное реагирование и страсти. И то и другое служит импровизации, разыгрыванию человеком спектакля своей жизни, и в конечном счете выполнению его предназначения.

Эта теория повседневности очень тесно связана у де Серто с теорией языка. Особенностью теории французского автора является понимание двойственной природы языка, в отличие от структурализма и других течений, в которых язык понимался как однонаправленное семантическое поле, как медиум, ведущий от означающего к означаемому, от звука к смыслу, от слова к действию. Поэтому природа языка выглядела как посредническая в одну сторону. Для де Серто язык имеет двойственную природу. С одной стороны, язык обладает безграничными возможностями семантизации. Этим позиция де Серто отличается от позиции тех же структуралистов, для которых возможности семантизации структурно ограничены, для которых есть определенная система оппозиций, а значит, количество слов и смыслов в языке всегда ограничено. Французский культуролог говорит, что семантические возможности языка безграничны, и язык может обозначать не только существующий мир, но и огромное множество других миров, возможных, мыслимых или условных (Серто, 2007: 50-51).

Подход де Серто стирает границы между естественным языком и условными языками науки. В традиционном подходе, вершиной которого стал структурализм, есть естественный язык, усваиваемый с молоком матери и описывающий наше положение в мире. Искусственные языки всегда условны, служат как обозначение для той или иной науки, которая оперирует ограниченным количеством операций со своим объектом. Де Серто стирает границы между естественным языком и языком науки. И то и другое для него – часть бесконечной семантизации мира, вскрытия в нем все новых и новых значений благодаря интеллектуальной игре (Махлина, 2009: 63-68). Наша повседневная деятельность, в которой мы решаем, что делать со столами, стульями или природными объектами, мало чем отличается от научных практик ученого, который разбирается с более сложными и специфическими объектами. Только объекты ученого встречаются

реже и менее доступны нашему повседневному опыту. Но отношение ученого к объектам отличается от отношения обывателя к объектам примерно так же, как профессиональный спорт отличается от любительского.

Другая сторона языка – это то, что он всегда представляет собой определенную практику мира. Сам мир, сама Вселенная практикуется в языке и создает в нем те правила, которые мы предвидеть не можем. Главное такое правило – это соединение слова со смыслом. Мы, исходя из своей позиции наблюдателя, не можем понять, каким образом звук связан со смыслом. Структурализм связывал звук со смыслом исключительно условной связью. Мы отождествляем ту или иную группу звуков с тем или иным смыслом, потому что мы отличаем ее от другой группы звуков, которую мы привыкли связывать с другим смыслом. Но де Серто ставит вопрос: откуда у нас вырабатываются привычки, которые связывают те или иные звуки с образами? Он исходит из того, что до некоторой степени язык является речью мира. Здесь Серто примыкает к метафизике языка, где он понимается как речь самого бытия (Серто, 2007: 45-48).

С пониманием де Серто языка связано и своеобразное понимание политики через призму преломления трансформаций практик повседневности. Так, XX век открыл, что политика, даже самая демократическая, требует врага. Политика без врага не может существовать. Поэтому все представления XIX века о прогрессе, что мирным путем человечество достигнет состояния всеобщего блага, были отринуты. Де Серто попытался доказать, что определенный мир возможен, но возможен он не в пространстве политических решений, а в пространстве повседневности, именно потому, что повседневность не есть результат общей воли. Повседневность не есть суммирование отдельных воль. В отличие от политики, в которой есть друг и враг, в повседневности такого суммирования воль и создания общей воли нет. В каждый момент реализуется какая-то одна импровизация и какая-то одна семантическая программа.

Де Серто всячески подчеркивает, что современная политика, в которой господствует общая воля и которая, в конце концов, привела к тоталитаризму, возникла там, где пространство повседневности стало уничтожаться в пользу пространства публичности. Как только город стал перестраиваться и превращаться в некое милитаризованное пространство, тогда и политика стала политикой поиска врага. Повседневность, отчасти замкнутая, всегда имеющая интимные зоны и сферы, никогда не является полностью мобилизованной, а значит, никогда до конца не оперирует различием друга и врага. Чем более интимна сфера, тем больше возможность превращения врага в друга.

Конечно, больше всего де Серто пишет о современной ему цивилизации. Большая часть примеров, которые он рассматривает –

это примеры из жизни современного города, цивилизации и постколониальной, или деколонизирующейся реальности (Серто, 2010: 110-114). Здесь нужно подчеркнуть, что деколонизация, которую мы воспринимаем как признак прогресса, была не таким уж беспроблемным для европейских и американских интеллектуалов процессом. Та же Ханна Аренд говорила о том, что такая резкая отмена границ, искусственное превращение врагов в друзей вне утверждения практик повседневности только умножает скрытые конфликты. Никакая политика в современном мире не должна строиться на каких-то отвлеченных правилах. Она должна учитывать всю массу повседневных практик. В работе «Вид актива» Аренд показывает, что никакая созерцательная жизнь недостаточна, пока она не созерцает «деятельную жизнь». Ее понимание «деятельной жизни» близко к пониманию культуры повседневности у де Серто.

Подводя итоги, можно сказать, что изучение культуры повседневности не является изучением исключительно вещей повседневности. Не следует смешивать направление в теории культуры под названием культура повседневности и с одноименной популярной продукцией. Изучение культуры повседневности – вполне определенный политический проект, связанный с такими масштабными политическими событиями, как войны, революции и деколонизация. Это дискурс, стремящийся сгладить негативные социальные последствия этих явлений.

Изучение культуры повседневности тесно связано с критикой прежнего рационализма и выстраиванием социальных и политических программ на отвлеченных рациональных, этических или эстетических принципах. Цель исследования культуры повседневности – показать, насколько повседневные практики сильнее отвлеченных идей и идеалов. Становится очевидно, сколь тесно когнитивные душевные процессы связаны с процессами мировой жизни. Поэтому исследование культуры повседневности – это чуть ли ни единственное направление культурологии, которое можно согласовать и с теологическими представлениями об устройстве мира, и с научными секулярными, атеистическими представлениями о том, что человек является лишь моментом мировой эволюции.

Список литературы

Лефевр А. Производство пространства. – М.: Strelka Press, 2015.

Луков М.В. Культура повседневности // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 4. – С. 199-203.

Махлина С.Т. Семиотика культуры повседневности. – СПб.: Алетейя, 2009.

Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. – СПб.: Изд-во

Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
Серто М. Общее место: обыденный язык // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 4(54). – С. 43-58.
Серто М. Призраки в городе // Неприкосновенный запас. – 2010. – №2(70). – С. 108-121.

Беляев Дмитрий Анатольевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (г. Липецк).